

В январе 1993 года сообщение с полярной станцией «Петезера» было утрачено навсегда. Старший механик Виктор Бехтерев – последний, кто выходил на связь. 19 января в 2:05 он сообщил, что все сотрудники базы мертвы. В 4:31 утра станция ушла под ледник вместе со всеми, кто находился на ней.

Тайна гибели «Петезеры» все еще не раскрыта.

ПЕТЕЗЕРА

СТАНЦИЯ СМЕРТИ

16+

КРИСТИАН РОБЕРТ ВИНД

Кристиан Роберт Винд

Петезера: станция смерти

Серия «Mystic триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67267247

SelfPub; 2022

Аннотация

В январе 1993 года сообщение с полярной станцией «Петезера» было утрачено навсегда. Старший механик Виктор Бехтерев – последний, кто выходил на связь. 19 января в 2:05 он передал сообщение о том, что все сотрудники базы мертвы. В 4:31 утра станция ушла под ледник вместе со всеми, кто находился на ней. Тайна гибели «Петезеры» не раскрыта до сих пор.

Чем занимались научные сотрудники на базе в свои последние дни жизни? Что именно стало причиной трагедии? И почему в этой запутанной и печальной истории по сей день остается так много белых пятен? И, наконец, о чем молчала команда исследователей, твердо вознамеревшаяся похоронить вместе с собой все мрачные тайны «Петезеры»?

Содержание

Предисловие	4
Часть 1. Ледяной ад	7
Часть 2. Станция кошмаров	21
Часть 3. Призраки «Петезеры»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кристиан Винд

Петезера: станция смерти

Предисловие

В январе 1993 года, во время продолжительного снежного бурана, сообщение с полярной станцией «Петезера» было утрачено навсегда. Последним, кто выходил на связь с внешним миром, оказался Виктор Бехтерев – старший механик. 19 января, ровно в 2:05 ночи, он сообщил о том, что работники «Петезеры» находятся в смертельной опасности и запросил помощь извне. Это все, что удалось разобрать впоследствии из его слов – Бехтерев говорил поспешно и сбивчиво, что сильно затрудняло анализ оставленной им записи.

Спустя два часа, в 4:15 утра, на связь с ближайшим поселком Снежное попытался выйти Адам Аллен, оператор буровой установки «Петезера-31». Однако из-за значительно ухудшившихся погодных условий он так и не смог оставить сообщение, сигнал которого поступил из кабины его бурового аппарата.

Спустя шестнадцать минут, в 4:31 утра, на полярной станции сработала система автоматического противопожарного оповещения. Как выяснила группа специалистов, прибывшая на место трагедии только спустя шесть суток, сигнала

лизация была активирована серией умышленных взрывов. Данные показали, что работники станции попытались сравнять «Петезеру» с землей, используя для этого специальные сейсмические заряды, которые предназначались для геологических и разведывательных работ.

В результате серии толчков и массивного возгорания, охватившего полярную станцию, вечная мерзлота под «Петезерой» частично оплавилась, из-за чего на леднике моментально образовался массивный разлом. Ранним утром 19 января «Петезера», состоявшая из пяти корпусов, рухнула в образовавшийся разлом, продолжая полыхать.

Из двенадцати сотрудников станции, находившихся на ней в момент аварии, не выжил никто. Обугленные останки Адама Аллена были обнаружены в кабине операторской установки «Петезера-31». Анализ уцелевших фрагментов, найденных в медицинском блоке, показал, что часть из них принадлежала механику Виктору Бехтереву, а часть – врачу Джафару Сахиму. Останки других девяти работников «Петезеры» так и не были обнаружены. Сначала они были объявлены пропавшими без вести, а спустя два месяца официально признаны погибшими.

Что именно произошло на разведывательной станции 19 января, о чем хотел сообщить Адам Аллен за шестнадцать минут до катастрофы и куда исчезли тела девяти сотрудников «Петезеры» – ответы на эти вопросы не найдены до сих пор.

Восстановленная картина событий, представленная в этом расследовании, лишь частично проливает свет на трагедию, развернувшуюся в середине января на станции, затерянной в вечных снегах. Реставрация событий начинается с 3 января 1993 года – ровно за 16 дней до загадочной катастрофы. Однако все это – лишь догадки, основанные на полученных данных и немногочисленных уликах, найденных на месте пожарища.

Что происходило на «Петезере» 19 января в действительности и чем занимались 12 ее сотрудников в последние часы своей жизни – об этом мы не узнаем уже никогда. Мрачная снежная пустошь надежно хранит свои тайны.

В 1999 году в поселке Снежное, расположенном к югу от разрушенной полярной станции, местные власти – Ассоциация Кооперативов Северного Автономного Региона (*далее* – АКСАР) установили памятный мемориал – искусственную глыбу льда, расколотую напополам, на вершине разлома которой балансирует канувшая в вечность «Петезера». На сине-голубой льдине в тусклом свете полярных сумерек поблескивает маленькая плоская табличка. На ней выгравированы имена 12 сотрудников станции, погибших ранним утром 19 января 1993 года.

Часть 1. Ледяной ад

Поселок Снежное – последний оплот цивилизованного мира, застрявшего в вечной мерзлоте. Шестьдесят лет назад (если отсчитывать от 1993 года) сюда приезжали те, кого привлекали большие деньги на разработках месторождений никеля и не пугали бесконечные метели и голодные белые медведи, то и дело наведывавшиеся в зарождающийся рабочий поселок.

Вот что писал своей матери Виктор Бехтерев – тогда еще совсем молодой член второй геологической разведывательной бригады: «... Не переживайте о нас, мама, и даже не вздумайте тревожиться! Жизнь здесь сносная и отнюдь не такая страшная, как Вы себе ее представляли. А главное – мы с Надеждой отчетливо видим перспективы как для нашего собственного будущего, так и для благополучия всей нашей Родины!...».

Девяносто три человека – именно такое количество населения значилось в переписи Снежного по состоянию на конец 1992 года. На самом деле, людей было гораздо меньше. Многие давно расселились по окрестным деревням южнее мыса Дальний Хребет, где было больше возможностей. Так что факт пребывания девяноста трех жителей на территории Снежного оставался исключительно на бумаге.

Все тот же 1992 год. В поселке рабочих мест давно нет.

Здесь функционирует только один магазин, по виду напоминающий обветшалый ларек. На северной оконечности промерзшего поселка – старая радиовышка, оставшаяся со времен СССР. Именно туда 19 января 1993 года попытается передать последнее сообщение Адам Аллен.

В 2008 году новая перепись показала значительную убыль населения поселка. Всего сорок два человека. И снова – неизвестно, сколько людей из этого числа проживали в Снежном на самом деле. Если верить тем, кто побывал в самом северном поселке после двухтысячных, жителей там оставалось настолько мало, что их вполне реально было пересчитать по пальцам.

Из трех улиц Снежного «в живых» на тот момент оставалась всего одна – та, где располагался продовольственный магазин (а потому она и называлась Продовольственной). Только здесь у домов на сваях сияли оранжевые уличные фонари и изредка сновали люди. Остальные две улочки угрюмо тарацились сквозь вечный холод заколоченными окнами, купаясь в ледяном мраке.

Жизнь за полярным кругом полна лишений. И многие люди к этому морально готовы. Если над головой есть крыша, а рядом – перспективная работа, человек может привыкнуть абсолютно ко всему. Даже к невыносимо скучным пейзажам и жестокому климату.

С ноября по март в поселке метет так, что видимость становится практически нулевой. Сугробы в Снежном часто до-

стигают высоты третьего этажа. Расчищают снег здесь своими силами – никаких муниципальных служб в крошечном поселке нет и никогда не было. АКСАР не выгодно обслуживать настолько удаленную и немногочисленную точку, хотя фактически поселок Снежное входит в состав Автономного Северного Региона. Но, как быстро выяснилось – исключительно на бумаге.

В отличие от деревень, раскинувшихся южнее, в Снежном нет коренного населения. Все эти люди приехали в поселок в поисках лучшей жизни. Но, не обрета желаемого, остались здесь по тем или иным причинам.

Тем не менее, этот захудалый поселок играет ведущую роль в снабжении полярной базы «Петезера», распластавшейся прямо на многовековом леднике в почти шестистах километрах севернее. Именно из Снежного регулярным вертолетом переправляют необходимое оборудование, продовольствие, топливо, медикаменты и прочие важнейшие припасы и расходные материалы для команды научных сотрудников, засевшей на станции.

В летний период, когда ненадолго прекращаются метели, снежный покров немного тает и проседает вниз, а воздух заметно теплеет (насколько это возможно в подобном суровом месте), из Снежного на станцию «Петезера» можно попасть и по суше. Но в зимние месяцы этот маневр становится невозможным – слишком плотный и толстый слой рыхлого снега, выстилающий каменистую тундру, и нечеловечески низкие

температуры надолго отрезают «Петезеру» от всего остального мира.

Вертолет Ми-6 вылетает из Снежного на полярную станцию каждую неделю. Разумеется, если позволяют погодные условия. В противном случае, приходится ждать штиля и более подходящего времени для перелетов. В декабре 1991 года вертолет не мог попасть на «Петезеру» больше месяца. Мешали шквальный ветер и непрекращающаяся ледяная пурга.

В сам поселок продовольственные товары, разумеется, тоже привозят издалека. Сначала доставляют до южной точки Дальнего Хребта железнодорожным сообщением. Там, в небольшом северном городке Тышемкаш, товарняк разгружают. А затем АКСаР распределяет товары по всем удаленным поселениям. Большая часть северных сел, лежащих неподалеку, снабжаются обыкновенным путем – туда возят продукты на старых дребезжащих грузовиках или же на гусенично-санном транспорте, если погодные условия не позволяют проехать «груженке» (как здесь принято называть грузовики с провизией).

С поселком Снежное и базой «Петезера» дела обстоят иначе. «Проехать колесами», как говорят местные, в эти края очень затруднительно. А потому для поставки продовольствия и перевозки людей используется вертолет.

Попасть на полярную станцию, миновав Снежное, невозможно. Любой, кто побывал на «Петезере», неизменно по-

бывал и в поселке. Отсюда полярники попадают на базу, а затем – и обратно с нее. Другого пути просто не существует.

Передвигаться по заснеженной пустоши – настоящее самоубийство. В зимнее время года это равносильно тому, чтобы подвесить на свою шею гиру, а затем спрыгнуть в ледяную воду. Каждый житель заполярья прекрасно знает о том, что оставаться на месте и дожидаться помощи – это единственное верное решение. Всегда логичнее переждать ненастье в тепле и безопасности, даже если запасы продовольствия или медикаментов на исходе.

При должной подготовке, на севере можно выжить даже на самом скудном рационе. А выжить без крыши над головой и тепла невозможно. Быть отрезанным от мира, оставшегося где-то за белым мраком вечного холода – привычное состояние как для обитателей Снежного, так и для группы ученых, ютящихся на «Петезере».

И в поселке Снежное, и на базе «Петезера» круглый год есть и электричество, и тепло. Но так как электроэнергия производится автономными генераторами, действующими на привозном топливном ресурсе, она взлетает в цене до невообразимых высот. Поэтому здесь принято относиться к ней очень бережно. Никто не станет оставлять на ночь включенной даже одну-единственную лампочку или, тем более, подсвечивать уличными фонарями пустые дороги. Без крайней необходимости местные никогда не нажмут на выключатель. Потому что электроэнергия в этих краях не только до-

рогая, но еще и не бесконечная. Ко всему прочему, она дает обитателям заполярья жизненно-важное тепло.

Вот почему то, что произошло 19 января на «Петезере», вызывает так много вопросов. В момент, когда разведывательная группа наконец прибыла на место происшествия и принялась осторожно пробираться к рухнувшей во льды базе, внутри, в хитросплетениях обугленных коридоров, были включены все лампочки. Все до единой.

Конечно, на момент прибытия отряда, они все уже не работали, и черные останки станции печально контрастировали на фоне сине-белых льдин. При пожаре внутри пяти блоков «Петезеры» сгорела электропроводка. Да и генератор заправлять было уже некому – все 12 полярников на тот момент были мертвы.

Однако факт того, что перед трагедией на станции устроили настоящую иллюминацию, вызвал у прибывших специалистов ряд вполне логичных вопросов. Зачем группе ученых понадобилось зажигать свет во всех помещениях всех пяти блоков? Ведь чаще всего одновременно использовались максимум два из них – жилой и лабораторная станция, где изучались и хранились образцы добытого из глубин льда. Кто и для чего перевел в режим активации все осветительные приборы «Петезеры»?

К слову, дальнейшие исследования показали, что основной генератор не выдержал подобной сверх нагрузки, и часть ее была автоматически переброшена на запасной, чтобы рас-

средоточить и распределить мощность во избежание замыкания всей системы. Вот почему в какой-то момент сработал встроенный механизм сброса основного режима, и все пять блоков станции «Петезера» погрузились во тьму.

Задаваясь этим вопросом, эксперт Андрей Ливанов заметил, что избежать подобного можно было с легкостью – достаточно сразу распределить нагрузку по отдельным генераторам, как и было описано в инструктаже. Очевидно, к моменту, когда кто-то из группы решил включить весь имеющийся на «Петезере» свет, полярного электрика Демьяна Резника уже не было в живых. В противном случае, он сразу бы указал на угрозу перегрузки системы электрообеспечения.

Нельзя сказать наверняка, успел ли самоперезапуститься генератор до того, как на станции начали греметь первые взрывы. Или же «Петезера» погружалась в образовавшийся во льдах разлом в кромешной темноте. Для того, чтобы делать подобные выводы, у поисковой группы просто не было достаточного количества данных.

Все, что мы знаем о трагедии, случившейся 19 января, добывали по крупицам, собирали из данных уцелевших приборов, выуживали из обугленных журналов, додумывали самостоятельно и даже интуитивно предугадывали, основываясь на том, что знали о характере каждого из двенадцати погибших членов группы «Петезеры».

В конечном итоге, эта история обросла целой массой слу-

хов – как вполне правдоподобных, так и крайне маловероятных. Ближе к началу нового тысячелетия люди, по-прежнему заинтересованные печальным исходом «Петезеры», наконец выдвинули три основные гипотезы произошедшего. Именно их мы и будем рассматривать в этом расследовании, изучая со всех сторон и пытаясь отыскать истину. Которую, вполне вероятно, все равно уже никогда не узнаем.

Но сейчас нам лучше поскорее вернуться в умирающий поселок Снежное. В зиму 1993 года. А если точнее – в хмурое и ветреное утро 16 января, когда огорченная и раздосадованная Надежда Бехтерева, жена главного механика станции «Петезера» Виктора Бехтерева, не смогла сесть на вертолет Ми-6. Из-за неистового бурана плановый полет был отменен и перенесен на следующий день – 17 января. А потом – еще на сутки. В конечном итоге, Надежда Бехтерева так и не смогла улететь на «Петезеру», благодаря чему и осталась жива.

О том, что на полярной станции не все гладко, впервые заговорила именно она. Пятидесятилетняя женщина как будто предчувствовала роковые события, развернувшиеся где-то там, в снежной дали, в самом сердце ледяного плато. Когда утром 20 января ее муж не вышел на связь, она сразу же отправилась пешком к местному связному, невзирая на ужасную погоду и почти сорокаградусный мороз. И потребовала, чтобы он немедленно наладил сообщение с «Петезерой», которое, как она предполагала, могло пострадать из-за

взбунтовавшейся стихии и порывистого ветра.

Первым делом Николай Трофимов, бывший советский летчик, а ныне – почетный житель Снежного, отправился на старую радиовышку. Он решил убедиться в том, что буря не оборвала линии радио и электропередач и не повредила древнее оборудование, которым все еще пользовались в поселке для экстренной связи со внешним миром.

Трофимов поднялся на вышку, и сразу же обнаружил сигнал, оставленный Адамом Алленом. Но это был просто сигнал – без сообщения, без слов и даже без шума и помех в эфире. Создавалось впечатление, что кто-то решил отправить важное уведомление на радиовышку Снежного, но в последний момент, когда сигнал прошел, внезапно передумал и отключился. Это показалось Николаю Трофимову странным. Поэтому он сразу же попытался связаться с «Петезерой». Тем более, что внизу, в поселке, его с нарастающим нетерпением ждала Надежда Бехтерева, которая начинала заметно нервничать.

Стоит сразу сделать небольшое отступление и оговорить одну интересную деталь. Дело в том, что на буровой установке «Петезера-31», в кабине которой в дальнейшем были обнаружены обугленные останки Адама Аллена, имелась специальная кнопка. Она располагалась прямо на приборной панели, и не заметить ее или забыть о ее существовании было просто невозможно. Кнопка экстренного вызова помощи, или проще говоря – классический передатчик SOS,

был вмонтирован прямо в электропанель буровой установки на случай непредвиденных ситуаций, требующих немедленного реагирования. Поскольку станция располагалась не на континенте, а непосредственно на леднике, который при этом еще и регулярно подвергался разработке сверхглубоких скважин для изъятия необходимых образцов льда, риск возникновения чрезвычайных происшествий был достаточно велик.

Здесь мы ненадолго остановимся, чтобы изучить эту тему поподробнее. «Петезера-31» была сконструирована специально для сложных работ в условиях вечного холода. Конечно, эта машина не создавалась непосредственно для полярной станции «Петезера», однако ничто не мешало опытным механикам внести необходимые изменения в готовую конструкцию под названием «Воер-31», разработанную канадцами, чтобы подстроить буровую под специфические окружающие условия. По завершению всех необходимых работ, которые продлились более четырех месяцев, буровая установка наконец была готова и получила свое новое имя.

В первую очередь, механикам Виктору Бехтереву и Леону Вольфу пришлось пересмотреть систему охлаждения бура. Нельзя было допустить, чтобы он перегревался слишком сильно, поскольку это начинало растапливать окружающую мерзлоту, грозя вполне очевидными трещинами. В дальнейшем Бехтерев лично предложил встроить кнопку SOS для оперативного вызова подмоги – именно на случай, если на

лду в результате глубинных буровых работ начнут образовываться крупные разломы. Ее поместили на место кнопки, отвечавшей за автоматический подогрев сидения (который, к слову, не работал изначально, поскольку на «Петезеру» был отправлен списанный агрегат по специальной гуманитарной программе).

При нажатии этой кнопки срабатывало автоматическое радиоповещение всех близлежащих приемников. Другими словами, чтобы попросить помощи 19 января 1993 года, Адаму Аллену, сидящему в кабине «Петезеры-31», было достаточно нажать на одну кнопку, расположенную прямо перед его носом. Но по какой-то причине он не стал этого делать. Аллен не нажимал кнопку SOS и не собирался звать на помощь. Но почему?

Что именно хотел рассказать перед гибелью американский буровик, пославший сигнал в поселок Снежное и почему не догадался надавить на специальную кнопку на приборной панели в кабине? Не увидел ее впопыхах? Забыл о ее существовании? Или просто не счел нужным отправлять сигнал бедствия, что выглядит совершенно нелогичным?

В дальнейшем, уже годы спустя, поклонники теории о мирных заговорах придут к выводу, что Адам Аллен специально проигнорировал эту кнопку. Потому что не хотел, чтобы на «Петезеру» отправился спасательный отряд.

Справедливости ради стоит отметить, что это в любом случае не сработало бы. Кошмарные погодные условия на-

долго обрубили связь с внешним миром, и трагедия, развернувшаяся на полярной станции, была обнаружена только неделю спустя. Однако Аллен, сидящий в кабине буровой установки 19 января в 4:15 утра, вряд ли мог об этом подозревать. Скорее всего, за тем, что он не решился надавить на спасительную кнопку, скрывался какой-то вполне очевидный мотив. Но какой же?

Допустим на мгновение, что в этом странном и полном трагизма деле на самом деле прячется некая мистическая подоплека. Если группа, обитающая на «Петезере», действительно столкнулась с чем-то ужасным (а предполагать подобное есть вполне веские основания, о чем мы поговорим позже), она могла попытаться обезвредить возникшую угрозу. И, не сумев с ней справиться, разработать более глобальный план – унести нечто опасное вместе с собой и всей станцией, навечно похоронив жуткие тайны в антарктических льдах.

В таком случае, нежелание Адама Аллена нажимать на кнопку, зовущую на помощь, вполне логично. Зачем ставить под угрозу жизнь невинных людей, которые ринутся на твой призыв? Однако у этой теории есть очевидные пробелы. Во-первых, если группа задумала столь радикальный метод, то почему никто из нее не попытался выбраться из «Петезеры», чтобы спастись? И почему Виктор Бехтерев несколькими часами ранее отчаянно звал на помощь? Это совсем не вяжется воедино.

Конечно, можно предположить, что уйти с полярной стан-

ции группе мешали некие неизвестные (или даже зловещие) обстоятельства. И что Виктор Бехтерев мог просто пойти против мнения большинства, рискнув нарушить смертельный план и позвав на помощь. В таком случае, странные увечья, обнаруженные на его останках и трупe медика Джафара Сахима, можно было бы объяснить именно этим.

Бехтерев и Сахим, не согласившись следовать приказу Милоша Мажковица (об этом немного позже), заперлись в медицинском блоке и попытались передать сигнал бедствия. В дальнейшем на станции мог вспыхнуть бунт, в результате чего началась смертельная стычка. Получив летальные ранения головы, Сахим и Бехтерев скончались во врачебном кабинете.

Это отлично объясняет сквозные отверстия, обнаруженные в их черепах. Но запутывает историю еще больше. В таком случае, почему дверь, ведущая в медблок, оказалась забаррикадированной изнутри? Спасательно-розыскная экспедиция, возглавляемая уже упомянутым выше Андреем Ливановым и исследовавшая обломки «Петезеры», установила, что дверь была заперта, причем – кем-то из двоих, прятавшихся в кабинете. Вряд ли после такого смертоносного ранения черепа кто-то из них мог бы спокойно запереть дверь изнутри, а потом – еще и забаррикадировать ее больничными койками, металлические остовы которых так и остались висеть в обугленном проеме.

К тому же, почему Бехтерев не сказал ни слова о том, кто

именно ему угрожает и не назвал никаких имен? Напротив, он ясно дал понять, что «...Работники станции находятся в смертельной опасности... [*Далее чередой невнятных помех*] ... Смертельная... [*Снова помехи*]... Приходите... [*Сильные помехи*]... Приходите сюда...». После этого его сообщение резко оборвалось.

То есть, из его последних слов легко можно сделать вывод о том, что никакой междоусобной стычки перед трагедией на «Петезере» не было. Виктор Бехтерев умолял спасти группу, застрявшую на полярной базе. Значит, незадолго до загадочной гибели все эти люди были заодно.

Но против чего они боролись? И чего они боялись? Что хотел передать в своем предсмертном сообщении Адам Аллен, сидящий в кабине «Петезеры-31»? И почему группа, состоявшая из 12 человек, единогласно решила подорвать базу, подписав тем самым себе смертный приговор?

И самое главное – куда исчезли тела девяти работников полярной станции?

Часть 2. Станция кошмаров

Сейчас, когда на карте мира уже не найти ни следов поселка Снежное, канувшего в небытие после 2010-х годов, ни «Петезеры», мало кто вспомнит о том, как вообще зародилась жизнь на этом ледяном плато. Между тем, история возникновения «Петезеры» начинается еще с довоенных времен, когда на дворе правил 1931 год.

Именно тогда внезапно выяснилось, что дальний север – не такой уж и дальний. И, имея нужное количество техники, пролетарского духа и моральной выдержки, вполне возможно освоить даже его. И даже нужно, ведь под толщей вечной мерзлоты на континенте дремали никем не тронутые залежи никелевой руды. Дело было за малым – найти подходящих людей. И они нашлись.

В число тех, кто составил группу, готовившуюся покорять ледяные пустоши, вошел Дмитрий Рыдыщев – выдающийся русский проектировщик с болгарскими корнями. Вернувшись домой после утомительной вылазки в дикие северные края, Рыдыщев всего за два месяца разработал и утвердил план будущей станции. На чертежах она выглядела практически круглой – все из-за покатых крыш пяти блоков, затянутых светоотражающим материалом для сохранения тепла внутри сконструированных помещений.

Глядя на свои чертежи, Рыдыщев невольно воскликнул:

«Пет езера!»), что в переводе с болгарского означало: «Пять озер!». На бумагах эксцентричный план Дмитрия Рыдыщева выглядел безупречно. И руководство не стало медлить с его воплощением в действительность.

Пятиблочная конструкция в самом деле напоминала с высоты птичьего полета нечто, отдаленно похожее на маленькие круглые озера. И, когда война наконец миновала, и научная деятельность в большой и могучей стране восстановилась, все члены группы, вновь прибывшие на ледяное плато спустя почти пятнадцать лет и впервые увидевшие постройки, были безоговорочно согласны с Рыдыщевым. Как будто диковинные круглые озера посреди древнего ледника.

Проект станции-порта, возведенной по его чертежам, неизменно напоминал каждому из окон вертолета пять небольших водоемов, приютившихся на белоснежной пустоши. А блестящее покрытие кровли только усиливало этот эффект. «Как будто пять застывших озер», – писал восхищенный Рыдыщев своему боевому товарищу, который лишился на войне правой ноги, а потому физически не мог принять его приглашение и самолично отправиться за полярный круг.

Недолго думая, станцию назвали «Петезера». На тот момент – шокирующий и даже откровенно рискованный проект. Ведь пять корпусов были возведены прямо посреди ледяного плато. Как и поселок Снежное, «Петезера» опасно опиралась длинными свайными ногами о вечную мерзлоту,

вгрызаясь в нее металлическим основанием. С тем лишь отличием, что поселок Снежное располагался на континенте, а «Петезера» – нет.

К концу 1940-х годов это место имело стратегическое значение – рядом на материке активно добывали редкие металлы. Так что «Петезера» выполняла функцию наземного порта. Ледокол «Атлантик», огибавший мыс Дальний Хребет, прокладывая себе путь к заветной добыче, а погрузочная станция «Петезеры» отлично справлялась со своей основной задачей, стабильно превышая требуемый оборот. Доставлять таким образом разработанный никель было и выгоднее с экономической точки зрения, и проще, ведь до железнодорожных путей грузы пришлось бы тащить напрямик через мыс Дальний Хребет. А это не только слишком долго, но еще и совсем неэффективно – проще было передать в нужные руки драгоценный груз напрямик с места его разработок.

Но к концу восьмидесятых рудник иссяк, а вместе с этим пропал и всяческий интерес к ледяным просторам, окружающим «Петезеру». Оказавшись без работы, бывшие сотрудники погрузочной станции массово хлынули в поселок Снежное. Среди них оказался и Виктор Бехтерев со своей супругой Надеждой. А также бывший советский летчик Николай Трофимов. И электрик станции «Петезера» Демьян Резник.

В отличие от многих других, они не уехали из Снежного, а нашли себе новое занятие – рыболовный промысел. Но, к счастью, сидеть долго без работы не пришлось. Потому

что как только Советский Союз окончательно развалился, к заброшенной станции «Петезера» начала проявлять повышенный интерес Европейская Научная Организация. И спустя полгода заброшенная полярная база перекочевала в ее официальное владение. А на основном корпусе появилась белая табличка с черными английскими буквами «Petezera Station».

В Снежное хлынули новые люди – геологи, биологи и научные исследователи. И Виктор Бехтерев снова оказался на «Петезере». А немного позже вернулся на свое прежнее место работы и Демьян Резник. Снежное, еще недавно казавшееся местом-призраком, заметно оживилось.

Но потом выяснилось, что никакого чуда местным ждать не стоит. Не будет ни добычи полезных ископаемых, ни нефтепроводов. А вместе с тем – не появится и новых рабочих мест. Все, чем интересовалась группа специалистов, прибывших на «Петезеру» – это пробами льда, наблюдением за популяцией белых медведей и прочими малоинтересными делами. Так Снежное снова оказалось на грани вымирания.

Первыми из группы, высадившимися в поселке, были механик Леон Вольф и оператор буровой установки Адам Аллен. Они прибыли на «Петезеру» в марте 1992 года. Вслед за ними появилась группа, состоящая из гляциолога Саймона Беккета и геолога Милоша Мажковица. Чуть позже в Снежном очутился медик Джафар Сахим. В апреле 1992 вертолет Ми-6 переправил на «Петезеру» биолога и зоолога в од-

ном лице, Анастасию Лисицину, и еще одного гляциолога, специалиста по взятию и изучению образцов льда – Томаса Мортимера. 16 мая группа дополнилась подрывником Марком Бушинером и помощником бурильщика Александром Вознесенским.

Тамара Петрова стала последним, двенадцатым членом новой команды, заселившейся в жилой блок станции «Петезера». Она была местной, перебравшейся на полярную базу из поселка Снежный. Заведующая продовольственным складом по официальным бумагам, а по факту – и повар, и бухгалтер, и уборщица в одном лице.

25 июля 1992 года станция «Петезера» наконец заработала в полную мощь. Этот день в сопроводительных бумагах значится официальным стартом работы международной полярной базы. Группой ученых был составлен подробный и четкий план работ на ближайшие 27 суток, а вся необходимая техника подготовлена и размещена на нужных позициях.

В этот же день, 25 июля, Адам Аллен впервые официально сел в кабину буровой установки «Петезера-31» и сделал все необходимые пробные работы вместе со своим русским помощником, Александром Вознесенским. Добытые образцы льда были незамедлительно доставлены в лабораторный блок станции, где их изучением занялись гляциологи Саймон Беккет и Томас Мортимер.

В этот же день, 25 июля 1992 года, биолог Анастасия Ли-

сицина приступила к отдельной миссии – наблюдениям за популяцией белых медведей, численность которых в этих местах по необъяснимым причинам резко сократилась за последние 17 лет. Лисицина вела свой отдельный журнал и практически никак не взаимодействовала с остальными научными сотрудниками в рабочем плане – она занималась исследовательскими работами самостоятельно.

Вплоть до наступления зимы все на станции «Петезера» текло своим чередом. Группа ученых строго придерживалась утвержденного рабочего графика, все оборудование работало исправно, и Исследовательский Европейский Штаб, ассоциировавший и финансирующий данный проект, исправно получал ежесуточные отчеты о проделанной работе. Казалось, тихой и размеренной жизни на станции «Петезера» ничего не угрожает.

Все резко изменилось 23 декабря. Милош Мажковиц, руководитель научной группы, по неясным причинам не вышел на ежедневную связь с Исследовательским Европейским Штабом в обозначенное время. Он появился в радиоэфире значительно позже – заметно взволнованный, как скажет позже один из руководителей проекта, Анджей Липски.

Милош Мажковиц сбивчиво сообщит о том, что во вчерашних пробах льда, полученных методом сверхглубоких буровых работ, гляциологи Беккет и Мортимер обнаружили нечто [...совершенно нетипичное и странное]. Это его дословная фраза. После этого Мажковиц спешно прерыва-

ет эфир, попросив руководителя проекта, Анджея Липски, предоставить ему [...немного больше времени для того, чтобы провести необходимые дополнительные исследования].

Тем временем, 26 декабря, спустя всего несколько суток после тревожного сообщения Милоша Мажковица, в рабочем журнале биолога Анастасии Лисициной появляется новая запись. Она свидетельствует о том, что местная популяция белых медведей, за которой она вела наблюдение все это время, [...ведет себя нетипичным образом и, похоже, чем-то встревожена...]. Проходят еще одни сутки, и поздним вечером 27 декабря Лисицина оставляет в журнале новую запись: [Вся популяция медведей спешно движется на юг, в сторону мыса Дальний Хребет, пересекая плато быстрым темпом. Похоже, животные вынуждены экстренно мигрировать в другое место... Старые и ослабленные особи популяции не успевают за убегающими в странной панике собратьями...].

Утром 29 декабря Анастасия Лисицина решает совершить короткую однодневную вылазку к брошенной млекопитающими территории, чтобы понаблюдать за оставшимися на плато белыми медведями. Помочь ей вызывается Демьян Резник, электрик станции «Петезера».

Вдвоем группа укладывает необходимое снаряжение на сани и отправляется в путь. Перед этим Лисицина оставляет в журнале наблюдений короткую запись: [Я заметила, что оставшиеся на плато белые медведи пытаются сбиться в

стаю. Это совсем нетипично для этого вида, ведь медведи по своей природе одиночки и предпочитают держаться на расстоянии друг от друга...].

Вечером 30 декабря, в 22:18 по московскому времени, в рабочем журнале Анастасии Лисициной появляется следующая заметка: [...Никаких следов брошенных особей мне обнаружить не удалось. Маловероятно, что старые и ослабленные медведи могли так быстро покинуть свою территорию обитания или, например, отправиться следом за мигрировавшими животными... Свежих отпечатков лап на снегу также не обнаружено...]. Из данного отчета Лисициной создается впечатление, что брошенные на произвол судьбы белые медведи просто провалились сквозь землю или бесследно растворились в морозном воздухе.

[...Должно произойти нечто экстраординарное, чтобы медведи начали собираться в стаю... Я не понимаю, чего они боятся и что здесь происходит. Как и не могу теперь объяснить, куда исчезли те особи, что оставались на леднике.] – этими словами заканчивается отчет Анастасии Лисициной, составленный поздним вечером все того же 30 декабря.

Демьян Резник, проживший большую часть своей жизни на станции «Петезера» и в поселке Снежное, подтверждает опасения Лисициной, когда связывается со своим давним приятелем, обосновавшимся в городке Тышемкаш.

[Он сказал мне, что никогда не видел, чтобы белые медведи вели себя так странно. А ведь в наших местах эти жи-

вотные – ну что дворовые собаки в больших городах. Я тоже был немало удивлен его словами. А потом, пару-тройку дней спустя, кто-то из местных заметил, что вдоль южной оконечности мыса Дальний Хребет, прямо неподалеку от окраин Тышемкаша, бегут десятки белых медведей. Они прошмыгнули мимо и исчезли из виду уже спустя пару часов. Никто из нас так и не понял, что это было. Они никогда раньше не заходили так далеко на юг...] – это спасательно-разведывательный отряд во главе с Андреем Ливановым узнает уже гораздо позже. Когда от «Петезеры» останутся лишь обугленные обломки.

Несмотря на странное поведение диких животных, работа группы геологов и гляциологов на полярной базе по-прежнему продолжается. Новые образцы извлеченного льда, по словам Мажковица, вызывают у команды ученых все больше вопросов. Однако никто на «Петезере» не может объяснить, что именно они находят в многовековых ледяных пластах – для анализа атипичных фрагментов не хватает необходимого оборудования. Лабораторный комплекс на станции просто не предназначен для таких серьезных исследований.

Анджей Липски и остальные члены Исследовательского Европейского Штаба обещают Мажковицу и членам его группы доставить на «Петезеру» все необходимое оборудование для лабораторных работ в помощь группе гляциологов, изучающих собранные образцы льда. Однако не ранее наступления весны. Поскольку, прежде всего, доставку та-

кого дорогостоящего груза необходимо тщательно спланировать, подготовив всю необходимую документацию и отчеты. А, во-вторых, погодные условия у мыса Дальний Хребет сейчас делают невозможными любые срочные и внеплановые доставки грузов. Милош Мажковиц принимает условия руководства – с большой неохотой, что стоит отметить.

Однако вскоре группе удастся найти выход из сложившейся ситуации – в медицинском блоке полярной станции находится достаточное количество аппаратуры и простейших реагентов для того, чтобы провести стартовые опыты. Мажковиц решает не затягивать с исследованиями, и просит медика Джафара Сахима посодействовать ему в этом. К изучению нетипичных фрагментов льда подключается и биолог Анастасия Лисицина.

2 января 1993 года образцы льда переносят из лабораторного блока в медицинский, располагающийся в жилом секторе «Петезеры». Их изучением кропотливо занимаются гляциологи Саймон Беккет и Томас Мортимер, врач Джафар Сахим и биолог Анастасия Лисицина. Во главе исследовательских работ стоит геолог Милош Мажковиц. Который твердо убежден в том, что эти странные вкрапления, таящиеся глубоко под льдиной – совсем не по его части. Это определенно не следы каких-либо пород, не фрагменты грунта или полезных ископаемых. Команда опытных гляциологов находится не в меньшем замешательстве.

Казалось бы – при наличии самого необходимого обору-

дования и лабораторных реактивов, такая квалифицированная команда специалистов с легкостью разгадает тайну атипичных фрагментов, обнаруженных в глубинных слоях ледника. Однако чуда не происходит. Никто из пятерки ученых не имеет ни малейшего представления о том, что именно они обнаружили во льдах и чем являются эти странные вкрапления.

В тот же день, 2 января, в медблоке заводят новый журнал. Он посвящен непосредственно экспериментам, которые пятерка исследователей день и ночь проводят над загадочными фрагментами, извлеченными из образцов ледника.

Журнал подписан рукой Милоша Мажковица и ведется лично им – он не только берет на себя роль руководителя новосформированной группы, но и несет полную ответственность за все данные и их достоверность, которые будут выявлены в ходе ряда лабораторных испытаний. Остальным членам команды в журнале необходимо делать лишь одно – оставлять свои подписи в знак согласия с выводами Мажковица в конце ежедневного отчета.

Таким образом, под каждым лабораторным анализом в новом журнале неизменно чернеет столбик из пяти разных подписей. А именно: Мажковица, Беккета, Мортимера, Лисициной и Сахима.

Примечательно, что 6 января под очередной записью Милоша Мажковица не хватает одной подписи. Почему-то не удается обнаружить подтверждение того, что с новыми дан-

ными лабораторных исследований была ознакомлена и согласна биолог Анастасия Лисицина. 7 января ситуация повторяется. Подписи Лисициной в журнале исследований нет.

8 и 9 января 1993 года в лабораторном журнале уже всего две подписи – самого Милоша Мажковица и медика Джафара Сахима. Что случилось с остальными членами группы Мажковица и почему они внезапно перестали принимать участие в экспериментах – ответов на эти вопросы эксперт спасательной группы Андрей Ливанов так и не сумел найти. Позже он выдвинет предположение о том, что трое из научной пятерки Мажковица на тот момент, возможно, уже были мертвы. Или пропали без вести. Но все это – лишь гипотезы.

А дальше вопросов становится только больше. Ранним утром 10 января со станции «Петезера» поступает сигнал о «белом шуме». Это означает, что по каким-то причинам полярная база отказывается принимать извне или же передавать любые сообщения со своей территории. При этом в кратком сопроводительном сообщении электрик Демьян Резник просит относиться к этому [...легко и без неуместной паники, поскольку это вынужденная временная мера, вызванная погодными условиями и определенными техническими неполадками...].

В то же время, изучение его голосового сообщения, подвергнувшегося тщательному анализу спасательно-разведывательной группы Ливанова, а затем – и специалистам из союза европейских стран, достоверно показало, что мужчина

заметно нервничал, оставляя это послание. И даже более того – был сильно напуган. Его голос был неровным и скачкообразным, а дыхание – прерывистым и поверхностным. Так разговаривают люди, когда пытаются подавить или же скрыть охватившую их панику.

Затем эта же европейская комиссия как следует изучила и сообщение, оставленное Виктором Бехтеревым, которое он попытался передать за несколько часов до гибели «Петезеры». И здесь команду экспертов ожидал настоящий шок. После того, как запись была тщательно очищена от всевозможных помех и отфильтрована благодаря сверхтехнологичному и инновационному (на тот момент) оборудованию, выяснилось, что старший механик полярной базы никого не звал на помощь. Напротив, он умолял не приходить на «Петезеру».

Вот как в действительности звучало его последнее, предсмертное сообщение: «Работники станции находятся в смертельной опасности... Смертельная опасность... Для всех нас... Не приходите... Вы слышите меня... Не приходите сюда...».

А дальше – обугленные от череды тщательно спланированных взрывов останки Адама Аллена в кабине буровой установки «Петезера-31» и обезображенные трупы Бехтерева и Сахима в заблокированном изнутри медицинском блоке со странными сквозными отверстиями в черепах. И миллион вопросов.

Вот почему тайна «Петезеры» годами не давала научному

сообществу покоя. Вот почему неравнодушные к этой трагедии люди пытались самостоятельно собирать улики – те немногочисленные крохи, которые остались после взрывов на полярной станции. И те, которые некоторым, особенно удачливым, всплывали на глаза во время частного расследования и поисков истины.

То, что мы имеем сейчас – в большей мере лишь ничем не подтвержденные теории, построенные на обрывках уцелевшей информации. На тех самых страницах обугленных научных журналов «Петезеры». На психологических портретах каждого из двенадцати сотрудников станции. И некоторых странностях, которые порой всплывали по мере распутывания этого сложного, а порой – по-настоящему мистического клубка.

Так что прежде, чем отправляться в январь 1993 года за поисками вероятной истины, сначала и нам придется изучить те крохи, что удалось собрать спасательно-разведывательной экспедиции Ливанова и европейской комиссии. А еще – заочно познакомиться поближе с каждым погибшим членом команды «Петезеры», чтобы лучше представлять себе их характер, возможную мотивацию и наиболее вероятную модель поведения в той или иной ситуации.

Это будет очень странное путешествие – путешествие в жизни совершенно чужих и незнакомых для вас людей, которых давным-давно нет на этом свете.

Часть 3. Призраки «Петезеры»

Жизнь в поселке Снежное настолько уникальна, что очень сильно отличается даже от жизни в городке Тышемкаш, расположенном южнее. Поселок, как уже говорилось ранее, состоит из зданий на свайном фундаменте – а если быть точнее, преимущественно из трехэтажных многоквартирных домов.

Так как здесь действуют несколько иные законы, чем во всех остальных частях региона, приобрести квартиру в Снежном или же получить в ней прописку вы не сможете. Все недвижимое имущество принадлежит АКСАР, и люди не могут свободно распоряжаться жилплощадью, в которой проживают.

Однако в этом кроются и отдельные весомые преимущества. Прежде всего, с самого начала основания поселка и вплоть до его неминуемого исчезновения, прибыть в Снежное и поселиться здесь мог совершенно любой гражданин страны. Причем – совершенно бесплатно. Новоприбывший мог выбрать для себя любую квартиру из тех, что пустуют, свободно заселиться в нее и даже получить местную регистрацию. Достаточно было заполнить простую форму, указав свои паспортные данные, номер дома и желаемых апартаментов, планируемый срок пребывания на территории поселка, а затем направить этот документ в ближайшее отделение АКСАР.

Так как электроснабжение и система отопления в северном регионе – дело весьма затратное, и обыкновенному рабочему классу сложно было потянуть подобные коммунальные расходы, АКСаР ввел целый ряд гуманитарных мер, позволяющих свести траты на жизнеобеспечение региона к минимуму.

Так, по состоянию на 1991-1996 годы, большую часть платежей погашал сам АКСаР из фонда регионального бюджета. Таким образом, жителям Снежного и еще некоторой части сел, раскинувшихся южнее мыса Дальний Хребет, ежемесячно приходилось оплачивать лишь 30% от расходующихся ими тепло- и энергоресурсов.

В городе Тышемкаш дела обстояли несколько иначе. Так как он располагался заметно южнее, а рабочих мест в нем было несравнимо больше, АКСаР ограничился лишь 47% самоличного погашения расходов на коммунальные услуги. А потому жить в Тышемкаше было хоть и комфортнее, но заметно дороже.

После закрытия рудников по добыче никеля, в Снежном и прилегающих селах выживать стало куда сложнее, чем раньше. Поэтому раз в год, во время нереста лосося, большая часть оставшихся в Снежном людей перебираются на несколько месяцев в Оглодыш – небольшую рыбацкую деревеньку в паре сотен километров восточнее города Тышемкаш. В те времена, когда никаких разрешений на отлов лососевых видов еще не требовалось, это была прекрасная воз-

возможность подзаработать неплохие деньги. Настолько неплохие, что при скромных расходах этого хватало вплоть до следующего рыболовного сезона.

Именно этим и занимались Виктор Бехтерев со своей супругой Надеждой. А затем, по окончании очередного сезона отлова, супруги неизменно возвращались в ставший для них родным поселок Снежное.

Когда по промерзлым окрестностям пронесся слух о том, что заброшенной станцией «Петезера» внезапно заинтересовалось западное научное сообщество, поселок моментально воспрянул духом. Многие старожилы наивно полагали, что где-нибудь неподалеку вновь начнутся разработки никелевых рудников, а вместе с этим появятся такие необходимые здесь рабочие места.

Виктор Бехтерев, по словам Надежды, воспринял эту новость с особенным восторгом. Ведь он провел на полярной станции, ни много ни мало, большую часть своей сознательной жизни. Вернуться туда, где ты исправно трудился так много лет, увидеть, как вновь оживает место, к которому ты успел прикипеть всем сердцем – еще недавно об этом стареющий Бехтерев мог лишь мечтать.

[Что бы там ни было, я вернусь на станцию, Надежда...] – твердо заверил он супругу, как только стало очевидным, что кружившие вокруг «Петезеры» слухи вскоре грозятся обернуться воодушевляющей реальностью. Бехтереву было не так уж важно, кто и как именно планирует использовать

новоприобретенную базу. Он был горячо убежден в том, что ему там непременно найдется место. Так и вышло.

По словам Надежды, старший механик буквально оживал на глазах. Он с нетерпением отсчитывал дни до того момента, когда сможет наконец погрузить свои немногочисленные пожитки в вертолет Ми-6 и снова очутиться на полярной станции. Он грезил этим. «Петезера» снилась ему каждую ночь – ожившая, будто восставшая из пепла после всеобщего забвения. Его старая приятельница, несправедливо покинутая в снегах и зовущая его обратно.

К огромному огорчению и даже откровенному разочарованию Бехтерева, супруга не собиралась разделять с ним его восторг. Более того, Надежда регулярно пыталась донести до мужа здравую мысль о том, что уже ничего на «Петезере» не будет так, как прежде – во времена их быстротечной молодости. Она утверждала, что даже если станцию удастся воскресить, это будет совсем иная реальность. Ведь, очевидно, «Петезера» интересовала зарубежное научное сообщество исключительно как объект для проведения новых исследований.

Но Виктора Бехтерева это ничуть не смущало. Главное было совсем не это. Вернуться на станцию – вот чего жаждала его душа. И не важно, какая именно жизнь будет кипеть на полярной базе на этот раз. Важнее то, что она там вновь появится. Остальное – пустые детали. Бехтерев казался одержимым этой идеей. И все считал дни до предстояще-

го отлета.

Безусловно, Надежда испытывала радость, заметив, как резко воспрянул духом ее первый и единственный мужчина. Казалось, все в нем мгновенно оживилось – взгляд, походка, даже голос его стал немного другим.

Но женщина никак не могла отделаться от какой-то смутной тревоги. Чего-то неясного, терзающего ее душу изнутри. Как будто кошки скребли у нее под сердцем каждый раз, когда Бехтерев заводил разговор о долгожданном возвращении на «Петезеру». Но Надежда никак не могла понять причину своей озабоченности, а потому попросту пыталась от нее отмахиваться.

[...Я размышляла так: я ведь уже совсем немолода, а в этом возрасте любые перемены, даже положительные, могут пугать и вызывать внутреннее беспокойство. Пожилым людям тяжело начинать все заново, им уже не хочется никаких свершений, а хочется только покоя. Этим я себя и утешала...] – расскажет она позже Андрею Ливанову, глотая слезы.

А еще через день она с горечью добавит, что, должно быть, сама была виновата в этом. Ведь, по признанию Надежды Бехтеревой, она так и не решилась подарить супругу ребенка. Сначала было не до того – оба работали так много и упорно, что под конец дня валились с ног от усталости. Нужно было заработать достойные деньги, чтобы обеспечить будущее детей. Да и рожать ребенка в таких немыслимых услови-

ях супруга Бехтерева не решалась. Здесь и взрослому сложно выживать. Что говорить о младенце? Каким бы обернулся ее быт? Об этом женщина боялась даже думать.

А потом, когда рудник неожиданно иссяк и все пошло прахом, Надежда внезапно осознала, что они с мужем – уже далеко немолодая пара, а вдобавок все их многолетние накопления в один злосчастный день обернулись бесполезными фантиками. Настала пора тотального отчаяния.

Жизнь словно пронеслась мимо них, сухо махнув на прощание костлявой дланью. И Бехтерева невольно удивлялась тому, как много лет, оказывается, они с мужем оставили здесь, в этих суровых, вечно заснеженных местах. Десятилетия промелькнули как один миг. И осталась лишь ледяная пустота. И внутри, глубоко в сердце, и снаружи, сколько хватало глаз.

Снежное медленно, но неотвратимо погибало. И больше других страдал от этого Виктор Бехтерев. Мужчина не мог принять болезненную мысль о том, как жестоко обошлась с ним судьба. Все его мечты так и остались мечтами. А жизнь просто взяла и рухнула в один момент, оставив его обессиленным и растерянным.

Когда «Петезеру» окончательно закрыли и все разъехались кто куда, в поселке Снежное стало так одиноко и тоскливо, что, по словам Надежды, оставшиеся люди пытались всеми силами сбиваться в кучки. Немногочисленные жители безостановочно ходили друг к другу в гости, а некоторые

пожилые люди даже переезжали к своим знакомым из других домов. Улочки Снежного неотвратимо пустели, а в сердце Бехтерева все больше сгущалась тьма отчаяния. Когда от поселка осталась одна только улица – Продовольственная, он едва не сошел с ума от горя.

Помог рыбный промысел – именно он вытащил семью из нищеты и позволял супругам отвлекаться от тягостных мыслей хотя бы на один-единственный сезон, полностью переключаясь на работу. Оглодыш в буквальном смысле давал возможность Виктору Бехтереву держаться на плаву и не опускать руки.

[Я сказала тогда Виктору – давай уедем, здесь больше ничего нет. Это место умерло. Мы больше не сумеем устроить здесь свою жизнь. А он... Он так посмотрел на меня и ответил: «Надя, а куда ехать? Куда? Мы тут с тобой провели всю жизнь. Вся она здесь, все наши годы. Некуда нам бежать, некуда. И ее я не брошу»... Это он так о станции говорил... Как будто о живом человеке. Наверное, он был в чем-то прав – у нас в самом деле ничего не было и уезжать нам просто оказалось некуда. Вот и остались здесь... А какие мечты и планы были в самом начале...] – вспоминала опечаленная вдова.

Она несколько раз умоляла мужа уехать и покинуть Снежное, но каждый раз он только сурово покачивал головой. Создавалось впечатление, что брошенная и позабытая всем миром «Петезера» – это все, что у него осталось. Его неудачное,

опустошенное детище. Пристанище его разбитых надежд и напрасных ожиданий, узником которых он стал.

[...Она ему снилась почти каждую ночь. И за завтраком он рассказывал, как мы, еще такие юные, только прибывшие сюда, обустроивали нашу квартиру на Продовольственной... Ему снились обрывки наших минувших дней. Наше ушедшее прошлое. Он говорил об этом с такой печалью в голосе... Мое сердце разрывалось на куски...] – рассказывала Бехтерева, показывая Ливанову старые черно-белые снимки из семейного альбома в поблекшем бордовом переплете. Снимки, на которых совсем юные супруги беззаботно улыбались неизвестному фотографу, прижимаясь друг к другу и пряча щеки и лбы в смешных меховых шапках. Такие уже давно никто не шьет и не носит.

В день, когда супруга провожала Бехтерева к вертолету Ми-6, готовящемуся переправить его на базу «Петезера», она едва сдерживала слезы. Несмотря на радостное возбуждение, охватившее старшего механика и его горящие счастьем глаза, Надежда по-прежнему терзалась тревожными предчувствиями.

Вечером того же дня, когда Виктор Бехтерев связался со своей женой, оставшейся в Снежном и сообщил ей, что он несказанно рад вновь оказаться на полярной станции, он был вынужден прервать свой воодушевляющий монолог – сильная нервозность женщины читалась в ее немногочисленных ответах, и Виктор понял, что его супруга с трудом сдержи-

вает непонятный ужас. Поэтому он был вынужден отложить на потом свои полные восторга рассказы. Вместо этого он твердо пообещал Надежде, что в скором времени попросит для нее безлимитный пропуск на «Петезеру», чтобы встревоженная женщина могла навещать его в любое время и сама лично убедилась в том, что никаких поводов для опасений нет.

Бехтерев сдержал свое обещание. Уже в марте того же года руководитель научной группы, Милош Мажковиц, выдал старшему механику специальный пропуск для его супруги. Согласно которому она могла посещать полярную станцию так часто, как сама того пожелает, однако оставаться на ней не дольше семи дней кряду за одно посещение.

Разумеется, этот пункт был не более чем условностью, предостерегающей нахождение на стратегическом объекте посторонних людей. В реальности никто не следил за тем, как долго Надежда оставалась на «Петезере», и даже если время ее пребывания на станции превышало требуемые семь суток, это никого не волновало и не вызывало ровным счетом никаких проблем.

Однако все это будет несколько позже. А пока что измотанная своими внутренними переживаниями и гнетущими предчувствиями неотвратимой беды Надежда, проводившая этим утром мужа на вертолет Ми-6, капает в стакан с водой очередную порцию валерианы, чтобы попытаться унять разболевшееся сердце. По ее признанию, в ту ночь, когда она

осталась одна в Снежном, она смогла уснуть только ближе к пяти утра. Да и то ненадолго – всего на несколько часов. Ей то и дело грезились кошмары: страшные крики людей и их предсмертные вопли о помощи, разливавшиеся по холодным коридорам полярной базы и эхом отражавшиеся от ее металлических стен.

Эти странные слова Надежды Бехтеревой впоследствии подтверждает Николай Трофимов, давний обитатель поселка Снежного, с которым семья Бехтеревых дружит вот уже несколько десятков лет. Пожилой мужчина, бывший советский летчик, устроился в заполярной пустоши не так уж плохо: как участник боевых действий и ветеран Великой Отечественной Войны, он получает достойную пенсию, позволяющую ему вести сносный быт в этих суровых краях.

Но как именно Трофимов очутился в Снежном – это остается загадкой. Все дело в том, что мужчина весьма неохотно делился своим прошлым даже с самыми близкими людьми, предпочитая избегать подобных дискуссий и расспросов.

Можно лишь с уверенностью утверждать, что сперва Николай Трофимов появился в городе Тышемкаш – там в послевоенные времена он купил себе небольшую однокомнатную квартиру. Прожил в ней один какое-то время, а затем, когда поблизости от Снежного начались активные разработки никелевой руды, перебрался в поселок. Судя по тому, что рассказывали о Трофимове его друзья и соседи, никаких родственников у старика не осталось. Во всяком случае, сам

бывший летчик предпочитал об этом не распространяться.

Он умер вскоре после трагических событий, развернувшихся на «Петезере», 18 мая 1994 года в возрасте 86 лет. Причиной смерти ветерана войны стали естественные причины – слабое сердце, не выдержавшее резкого повышения артериального давления. К сожалению, так как Трофимов проживал один и вел затворнический образ жизни, оказать ему своевременную медицинскую помощь не удалось.

Похороны Николая Трофимова состоялись 21 мая в городе Тышемкаш, куда его тело было доставлено вертолетом вместе со всеми, кто желал провести в последний путь одного из самых достойных жителей северного региона. В числе скорбящих была и Надежда Бехтерева, которая очень тяжело переживала утрату давнего друга семьи.

Вот как описывает Николая Трофимова Андрей Ливанов в своем дневнике, посвященном расследованию тайны гибели «Петезеры»: [...Спокойный и сдержанный худой мужчина среднего роста с седыми кудрявыми волосами восьмидесяти пяти лет от роду... Вызывает невольное уважение своей манерой общения, очень располагает к себе. Мне показался рассудительным и на редкость приятным в разговоре человеком. В отличие от многих жителей поселка Снежное, Трофимов не стал выдумывать небылицы, а сразу спросил меня об имеющихся фактах... Чувствуется военная выдержка и закалка... Трофимов активно пытается помогать нашему расследованию и просит держать его в курсе событий...].

К сожалению, выяснить больше о бывшем военном летчике не удалось даже после его смерти. Со временем его однокомнатная квартира, оставшаяся в городе Тышемкаш, была присвоена кооперативом АКСАР, а затем передана нуждающейся многодетной семье из удаленного северного села Ойчар, потерявшей жилище в результате пожара.

В отличие от своего коллеги, Виктора Бехтерева, электрик Демьян Резник никогда особенно не тревожился о закрытии погрузочных блоков «Петезеры». Утратив работу на полярной станции, он вернулся в Снежное и начал вести привычный образ жизни. Более того, закрытие «Петезеры» фактически никак не повлияло на быт и финансовое положение Резника, поскольку он трудился электриком одновременно как на полярной базе, так и в поселке Снежное.

Резник был одним из тех немногочисленных счастливичков, для которых в крайней северной точке региона АКСАР всегда имела работа. Именно он следил за расходом топлива, чинил и заменял генераторные системы, монтировал проводку, а заодно отвечал за уличное освещение единственного живого уголка Снежного после закрытия станции – улицы Продовольственной.

В Снежное Демьян Резник, как и многие остальные, прибыл во времена, когда всю шла разработка никеля. А затем крепко обосновался здесь, женился и решил остаться навсегда. Новость о том, что станцию «Петезера» собирается выкупать западное научное сообщество Резник воспринял про-

хладно – по словам его супруги, Инги Резник, ее мужа устраивала их скромная, но тихая и размеренная жизнь. То, что станция вновь заработает, означало для Резника лишь одно: в поселке снова станет слишком шумно, появятся новые люди, начнется хаос и неразбериха с плановыми полетами на вертолете. Одним словом, особого восторга от этой новости он не испытывал.

Однако отказываться от возможности дополнительного заработка Демьян Резник, конечно, тоже не собирался. Поэтому, недолго думая, он принял предложение зарубежного представителя, собрал скромные пожитки и отправился на полярную базу, где его уже с нетерпением дожидался Виктор Бехтерев.

[Все, как в старые добрые времена...] – едва ли не плача от счастья, сообщил Бехтерев любимой супруге, прилетевшей его навестить сразу после получения необходимого пропуска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.